

18+

Иван Плешканев

**Хроника
вялотекущего
апокалипсиса**

Иван Плешканев

**Хроника вялотекущего
апокалипсиса**

«Издательские решения»

Плешканев И.

Хроника вялотекущего апокалипсиса / И. Плешканев —
«Издательские решения»,

Мы привыкли, что апокалипсис — это грохот, вспышки, бегство. Но что, если он уже наступил — и мы его не заметили? «Хроника вялотекущего апокалипсиса» — это не история спасения. Это история того, как человек остаётся человеком, когда привычные чувства отказывают. И напоминание: конец света может случиться прямо сейчас, внутри каждого из нас. И он не будет похож на кино.

Содержание

Глава 1. Две капли необъяснимого или просто стресс	6
Глава 2. Последний свидетель	10
Глава 3. Эрозия памяти	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хроника вялотекущего апокалипсиса

Иван Плешканев

© Иван Плешканев, 2026

ISBN 978-5-0069-7978-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Две капли необъяснимого или просто стресс

Всё началось с беспричинной тишины.

Не с грохота, не с крика, а с его отрицания. Вечер был тёплый, привычный. Я сидел у торшера и дочитывал книгу про старый пароход — на полях карандашные пометки десять летней давности, мои, ещё нервные, студенческие. Лиза в кресле, поджав ноги, смотрела сериал; на колене — плед в ёлочку, тот самый, что мы купили на барахолке в сентябре: он пах дешёвым лавандовым кондиционером и чем-то солнечным, выцветшим, как старые открытки. За стеной, как обычно, спорили соседи — их вечное «Да ты меня уважаешь?» сегодня звучало фоном, безопасно.

И вдруг — всё смолкло.

Тишина не упала — она натянулась. Как если б кто-то выключил компрессор в аквариуме, и вода внезапно стала слишком гладкой. Я поднял голову. Страница в руках дрогнула, как лист под сквозняком, хотя окна были закрыты.

Я встал, подошёл к окну. Ожидал, что увижу неполадку в мире: мигалки, толпу, дым. Ничего. Двор — пустой, фонари ровные, усталые, как желтоватые ногти. Ни ветерка. Небо — без лоскутков облаков, как нестиранная простыня. Комар, который минуту назад жужжал у уха, исчез, будто его вырезали монтажом.

— Странно, — сказал я, чтобы нарушить липкую плёнку.

Лиза не отреагировала. На экране застыл кадр: женщина в белом платье, приподнятая бровь. Лиза сидела неподвижно, как манекен, только грудь еле заметно поднималась. Я щёлкнул пальцами.

— Телек завис? — спросил я.

Лиза медленно, с запозданием, повернула голову. Взгляд вернулся издалека, как птица, которую долго звали. Она нажала на пульт. Серый прямоугольник зависания сменился бегущей заставкой, музыка вернулась — и вместе с ней шум подъезда, тупой удар двери у соседей, где-то за домом взвыла сирена скорой, коротко и сразу стихла.

Всё стало на место. Почти.

Я вернулся к книге. Прочитал полстраницы и осознал, что не помню ни имени капитана, ни порта, к которому он шёл. Предложения складывались, как аккуратные спички, а огня не было. Я перечитал абзац. И ещё раз. Смысл соскальзывал, как вода с вощёной скатерти.

Я списал это на усталость. На пятницу. На то, что днём начальник снова перепутал мои отчёты с отчётами коллеги, и я улыбнулся вместо того, чтобы поправить. Пошёл на кухню, выпил воды. стакан пах стеклом и железом из крана. Я умылся. Лёг.

Перед сном вспомнил — не знаю почему — как мы в ноябре выезжали за город собирать листья для гербария Лизиной племяннице. Тёплые ладони, холодный воздух, шуршание пакета, и этот конкретный запах мокрой коры, сладковатый, как старый чай. Память выдала картинку, звуки, даже хруст под ботинком — запах не пришёл. Я лежал и вслушивался в своё детство носом — и не услышал.

Мне приснилось, что я в огромной пустой квартире, не нашей, и двери закрываются сами по себе. Без щелчка. Как будто их мягко притягивают магнитом.

Я проснулся под будильник. Свет падал на стол ровно, как всегда — полоской между кактусом и стопкой журналов. Кофе закипал — я услышал первый бурлящий звук и вовремя сдвинул турку, чтобы не убежала, как обычно. Всё было на месте. Я сказал себе: стресс. Просто стресс.

Лиза торопилась. Волосы, собранные в низкий хвост, резинка с выцветшими ромашками — та, которой она пользуется, когда опаздывает. Она застёгивала серьгу, ловя в зеркале свой профиль.

— Налъёшь кофе? — бросила, не глядя.

— Угу, — я подвинул к ней чашку. Наши пальцы соприкоснулись. И я неожиданно не почувствовал ничего, кроме факта касания — как если б оба были в латексных перчатках. Ни тепла, ни той маленькой, всегдашней искры, после которой хочется задержать руку на секунду. Просто «контакт».

— Спасибо, — сказала она, не заметив моей паузы, отпила до дна, поставила в раковину. — Мусор, пожалуйста. И ключи не забудь, ты вчера на полке с обувью оставил.

Это её «домашние маркеры» — то, что у нас всегда: она помнит за меня ключи, я — за неё очки. Эти маленькие крючки дня обычно держат меня на поверхности. Сегодня они скользили.

Дверь хлопнула. Я остался на кухне. Холодильник урчал, как довольная кошка. На столе — бежевое пятно от чашки. И — странно — тишина как фон, не по децибелам, а по смыслу. Как если б мир сдвинулся на миллиметр и это видел только я.

Я подошёл к окну. Двор оживал: мужчина в зелёной ветровке быстрым шагом нёс контейнер с супом, ребёнок в синей шапке пинал камешек, собака обнюхивала урну с таким усердием, словно это её работа. Всё выглядело правильным, но чем дольше я смотрел, тем сильнее картинка напоминала отрететированную сцену. Паузы между жестами были идеальными. Смех девушки у подъезда — на долю секунды длиннее, чем положено живому смеху.

Я поймал себя на том, что уже несколько минут ничего не думаю. Белый шум, ровный, как горелка на минимуме. Внутри. Не вокруг.

Отшатнулся от стекла, будто от края, где нет перил. Сердце споткнулось, потом побежало. Я открыл верхний шкаф — там, за кружками с облупившимися ушками, лежала синяя тетрадь в клеёнчатой обложке. Когда-то, на первом курсе, я записывал туда списки книг и смешные фразы преподавателей; там ещё наклейка с красным фургоном от яблок. Я достал её — бумага пахла пылью и чем-то сладким, как старые письма.

Открыл. Пустая страница.

Дневник. Запись первая. Сегодня.

Кажется, началось — или продолжается то, чего я не называл. Вчера на секунду мир выключили. Когда включили обратно — звук вернулся, но что-то осталось не подключенным. Не запах, не цвет — «импульс». Базальтовая плита под всем. Если это бред, пусть будет бред на бумаге. Бумага не спорит.

Весь день я пытался собрать себя из привычных деталей: рабочая переписка, таблицы, совещание, где Артём снова шутил про «нашу корпоративную семью», и все хохотали на автопилоте. Я почти убедил себя, что всё нормально. К пяти — определённо.

И тогда пошёл дождь.

Не морось — настоящий, с широкими, тёплыми полосами. Я вышел из офиса под козырёк, и первая волна брызг залила кроссовки. Люди поджимали плечи, кто-то смеялся, пряча ноутбуки под куртки. Асфальт потемнел, стал будто глубже. Я сделал шаг из-под козырька.

Ничего.

Тело отозвалось честно: мокро, прохладно. Кожа сжалась под курткой. Но то, ради чего в детстве мы выбегали босиком — удар живого, сладкого запаха земли, озона, железа неба — не пришло. Воздух был чистым. Просто чистым. Как дистиллированная вода.

Рядом недалеко женщина под козырьком поправляла капюшон.

— Свежо стало, — сказал я в пустоту между нами.

— Угу, — она кивнула, глядя, как стекают струйки по водостоку. — Лишь бы не простыть.

Ей было холодно. Мне — мокро. Дождю — всё равно. А запаха не было никому.

Такси подъехало рывком, я сел на переднее. На панели — подвеска с деревянной рыбкой. В салоне пахло «морской бриз», банкой из супермаркета.

— Как из ведра! — бодро сказал водитель. — Наконец-то смоем эту пыль, а то дышать нечем.

Я смотрел в боковое стекло, где вода шла диагональными рядами, как косо́й шрифтом. Я думал, что он говорит правду: смоем. Только не то.

Дома я не разулся — прошёл в комнату прямо в мокрых носках. Синяя тетрадь всё ещё лежала на столе, сверху — моя старая жёлтая ручка с треснувшей клипсой.

Дневник. Запись вторая. Вечер. Идёт дождь.

Он идёт. Я вижу линии, слышу удары по подоконнику, чувствую холод на коже. Но «запах дождя» нет. Как если бы вытащили из симфонии все инструменты, оставили метроном. Ритм на месте. Музыка нет.

Я спросил у женщины — она сказала «свежо». Свежо — это про градусник, не про сущность. Может быть, сломалось во мне. Может, в мире. Завтра проверю в лесу. Если я не сошёл с ума, лес — это лакмус.

Ночью я не спал. Не из-за мыслей — из-за пустоты. Как если бы мозг всё время слушал, не раздастся ли что-то. Ничего не раздалось. Я проснулся раньше будильника и поехал в старый парк, где мы с отцом ловили карасей у озера. Это наш «запасной мир», он всегда работал.

Дорога заняла час. У ворот — тот самый киоск с кленовыми магнитами; продавщица перелистывала журнал движением, которое я помню ещё мальчишкой: слюнявит палец — переворачивает страницу — взгляд в сторону. Мелкость, которая почему-то успокаивает.

В лесу пахнуть должно было всем сразу: влажной корой, хвоей, прошлогодней листвой, глиной, даже грибной сыростью — такой, что распирает в голове. Я вдохнул. Воздух был прохладный, лёгкий, как негазированная вода из холодильника. Он не был лесным. Он был воздухом без города.

Солнце пробивалось через сосновые стволы, птицы щебетали — формально. Я шёл знакомой тропой, считал шаги до поворота (мне всегда казалось — 128, оказалось — 126). У воды — зеркальный слой. На нём — лебеди. Пара, как в учебнике. Они плыли, вычерчивая идеальную восьмёрку. Я поймал себя на том, что люблю линию, не существом.

В этот момент справа по тропинке пробежал мальчик в зелёной ветровке — не Максим (имя я узнаю потом), другой, чужой. Он пнул шишку, и шишка улетела в кусты. Мальчик рассмеялся один, сам себе — чисто, коротко, с хрипотцой. На секунду я услышал «живой» звук — не правильно отмеренный, а с лишним, тёплым хвостиком, который, казалось, испугался тишины и спрятался. И тут же растворился.

Я сел на поваленное дерево. Руки пахли сосновой смолой — точнее, липли, а запаха не было. Ветер тронул траву у ног: она легла полосой и тут же вернулась — как волосяной покров, как мех, который гладят против шерсти. Я подумал, что проблема — во мне. Это честно.

Дневник. Коротко.

Лес, который всегда возвращал — не вернул. Осталась картинка и набор физических величин. Слушаю себя как прибор. Показания исправны. Переживаний нет.

Я поехал домой молча, радио выключил. На мосту перед нами кто-то резко затормозил — коричневая «Рено», водитель отвлекся на телефон. Мы не врезались — мой тормоз сработал автоматически, я даже не вспомнил страх. Было движение педали. Решение. Расстояние. Пусто.

Дома я поставил чайник и машинально провёл пальцем по комоду — на нём всегда остаётся тонкая дорожка пыли, которую мы ленимся вытирать до выходных; сегодня поверхность была чистая — Лиза протёрла вчера. Мне стало неловко — не за пыль, а за то, что из всех вещей, что я могу чувствовать, я чувствую только чистоту поверхности.

Я не стал писать. Я включил телевизор — какой-то сериал, чужие люди много жестикулируют, потом смеются. Смех звучит правильно — как файл. У меня внутри — тишина, но не враждебная; плотная.

На следующий день я решил проверить себя не на лесу, а на человеке, которому я верил, когда ещё всё шевелилось — на Андрее. Мы, когда-то могли спорить до ночи: на кафедре философии мы кричали про Сартра, и охранник закрывал на нас глаза, пока мы в дверях продолжали спорить, жуя холодную шаурму. Есть вещи, которые в организме памяти хранятся дольше, чем кажется.

Я написал: «Пиво сегодня?». Он ответил быстро: «Ок». Это его манера — кратко, будто экономит символы, хотя они бесплатные.

Мы встретились в старом баре, где табуреты всё ещё шаткие, а над барной стойкой висит вывеска «Чешское» с лампочками, из которых перегорела треть. Запах — раньше он ударял: кислый, хлебный, липкий; сегодня я отметил только влажность в воздухе. Андрей обнял меня — его куртка хрустнула от дождя, кожа была холодная.

— Как ты? — спросил он, заказывая «то же, что тогда».

— Нормально, — сказал я, потому что так говорят. — Ты?

— Да как все, — он пожал плечами. — Скачут тарифы, в офисе перестановка, Серёгу уволили, ага, и сериал вот новый вышел — слышал?

Я слушал. Его речь была гладкая, как столешница, по которой много лет водили тряпкой. Правильные слова ложились ровно. В паузах он не отводил взгляд — просто в нём не было глубины; и это не упрёк, это геометрия.

Я попробовал вспомнить, как он спорил — когда у него горели уши и голос в конце фразы переламывался. Достал этот файл. Нажал «воспроизвести». Не включился.

— Помнишь, как мы на третьем курсе спорили про свободу? — попытался я. — Ты тогда сказал, что «мы хотим богов, потому что боимся пустоты».

— Нуу, — он подумал, как человек, который достаёт из шкафа коробку, на которой пыль, и не помнит, что в ней. — Детство, — сказал он и улыбнулся — красиво, без тени.

Мы просидели час. Я ушёл с чужими словами в ушах, которые не отложились. Он похлопал меня по плечу у выхода — «Надо повторить» — и не оглянулся. Я не обиделся. Обида — это роскошь с высокой комиссией.

Дома я сел на пол — рядом, на ковре, нитка вытянулась в петлю, Лиза всё грозила её отрезать. Я взял тетрадь. Рука дрогнула не от чувства — от слабости мышц. Я написал крупно, как маркером на лбу:

Дневник. Ночь.

Они — пусты.

Это не метафора и не поза. Я смотрел в глаза человеку, которого знаю двадцать лет, и не нашёл там никого, кто спорил со мной, кто ел в два ночи пирожки из киоска на углу и говорил, что «всё это, брат, когда-нибудь придёт к новой простоте». Осталась функция: правильная речь, корректные жесты, улыбка с нужной амплитудой.

Я думал, исчезают запахи. Исчезают — люди. Или — исчезаю я.

Я лёг на пол и посмотрел на потолок — там трещина, похожая на молнию: я маленьким представлял себе, что по ней бегают муравьи и переносят свет между комнатами. Свет — на месте. Муравьёв нет.

Пока писал, за окном коротко выла сирена — не тревога, а как будто кто-то проверил, работает ли звук. Сработало.

Я не знаю, что делать. Завтра — просто день. Я постараюсь вернуться в него. Я вынесу мусор, куплю Лизе её любимые розовые йогурты (те, с клубникой, которые она ест, пока читает новости), и если в этом простом будет хоть что-то, что щёлкнет — я это запишу. Если нет — я тоже запишу.

Я не герой и не пророк. Я — человек, который вдруг перестал чувствовать запах дождя.

И это — пока всё, что я могу сказать правдиво.

Глава 2. Последний свидетель

Прошла неделя, которая тянулась как жвачка — не потому, что в ней было мало событий, а потому, что все они были одинаковой вязкости. Я перестал искать «большой сбой». Вместо этого стал отмечать маленькие, будто складывал коллекцию однотипных камешков.

Утренний ритуал. Я стою у окна и не столько слушаю звуки, сколько проверяю их на «живость». Гул мусоровоза — честный, тяжёлый, с дизельной дрожью. Шаги соседки с пятого — короткие отрезки, каблук-каблук-пауза, будто метроном. Детский смех под окнами — правильный, но плоский, как аудиообразец.

Днём я работаю — пальцы бегут по клавиатуре сами, как по знакомой клавиатурной дорожке на пианино. Письма, согласования, звонок с клиентом. Я слушаю себя со стороны — мой голос гибкий, вежливый, без сбоев. Я — исправный аппарат. Иногда замечаю, как тянусь за кружкой с кофе, и рука на полпути замирает: вспомнить вкус — нечем. Я допиваю по инерции.

Вечерами я стал выходить «в поля». Наблюдать не в интернете, а на лавочке. Я выбрал сквер на Ленина — там всегда кто-то кормит голубей, а кто-то спорит о коммунальных платежах. Мне нужны были эти бытовые маркеры мира «до».

Сел. Спина ощутила шершавую доску с занозой справа — та самая, на которой уже много лет нет одного самореза. Рядом пожилая женщина, серый плащ, платок, руки в перчатках без пальцев — бросает крошки. Голуби клюют быстро, деловито. В этом есть движение — но нет диалога. Её глаза, обычно, помню, тёплые, сегодня стеклянны. Она делает правильное, не встречаясь с собственным жестом.

Ко мне подошёл мальчик — лет пяти, в зелёной ветровке с оборванной молнией на рукаве. Светлые волосы торчат петушком, грязь на колене — сегодняшняя, свежая. Он посмотрел прямо, без стеснения.

— Ты кто? — спросил он.

Вопрос был странно точным. Не «что делаешь», не «почему тут сидишь», а — «кто». В слове было то лёгкое напряжение, которое выдаёт живой интерес. Он не проверял социальную рамку. Он пытался определить меня по контуру.

— Я... человек, — сказал я. — Просто человек.

Он качнул головой, не соглашаясь.

— Нет. Ты смотришь.

Это он сказал не как комплимент и не как упрёк. Как факт. Как диагноз. Ноготь на его большом пальце был сломан наполовину, грязная бахрома кожи торчала — детали, которые обычно запоминаешь у живых людей. Я поймал себя на том, что у меня дрожат пальцы — не от чувства, а от неожиданности: что кто-то в этом городе всё ещё произносит слово «кто» и вкладывает в него вопрос.

Из-за детской площадки вышла женщина — его мать. Лицо аккуратное, усталое, глаза пустые, как в витрине. В её движениях не было агрессии — только отведённая функция.

— Максим, пошли, — сказала она, и я впервые услышал его имя — просто так, без церемонии, как на бирке.

Максим — странно, но имя ударило чуть глубже, чем звук. В нём было всё, чего не было в моей неделе: конкретность. Мальчик задержался на пол-шага, посмотрел на меня снова — коротко, почти с жалостью. Как смотрят на человека, который остался на перроне. Потом повернулся и пошёл за матерью — ровно, без оглядок. Его зелёная спина растворилась в потоке.

Я сидел и смотрел на пустое место, где только что было «кто». Пальцы чесались записать, но я боялся, что бумага окажется слишком громкой.

В итоге достал маленький блокнот — не синюю тетрадь, а полевой, карманный, с потертым корешком. Написал, как под диктовку:

Записка.

Сегодня в сквере на Ленина — мальчик. Имя: Максим. Признак: видит «кто», не только «что». Формулировка: «Ты смотришь». Мать — без признаков отклика. Взгляд Максима на прощание — не просьба и не страх. Похож на жалость.

Смысл записи — сохранить имя. Пока имя на бумаге — ребёнок существует не как функция. Пока я помню имя — я не полностью ушёл.

Я убрал блокнот. На секунду стало легче — не потому, что появилась надежда, а потому, что форма нашлась. Имя — как булавка, которой прикалываешь ткань к манекену, чтобы хоть что-то держалось.

В тот же день я пошёл в музей. Если есть где-то кристаллизация смысла, то там. Раньше у входа меня всегда встречал знакомый запах — смесь лака, старого дерева и людей в мокрых пальто. Сегодня я вдохнул и отметил лишь кондиционированную прохладу.

Зал с полотнами, где обычно толпятся школьники. Экскурсовод монотонно говорит правильные слова. Я остановился у картины, от которой меня когда-то шатало — мазки, как вздутые жилы; тишина между цветами, как после грома. Сегодня я видел структуру, композицию, даже выбор пигмента мог угадать. Но всё это было как чтение партитуры без оркестра.

Пара рядом: он — в клетчатой рубашке, она — с тонкой золотой цепочкой. Он сказал: «Мощно», она ответила: «Да, энергетика». Слова попали в рамку, но не попали в них.

Я прошёл мимо скульптурного зала. Венера с отбитыми руками равнодушно смотрела поверх меня — это не была её вина. Я подумал, что если искусство — суд, то сегодня заседание отменили, а секретарь поставил печать «перенос».

От музея до храма — пятнадцать минут. Внутри прохладно, пахнет воском. Звук здесь обычно густой — не тишина, а ткань из шёпотов. Я сел на заднюю скамью и ждал, что меня накроет привычная тяжесть или хотя бы память о ней. Ничего. Люди двигались правильно: ставили свечи, крестились, отходили. Действия были точны, как у авиамехаников.

Из алтаря вышел священник — пожилой, с неспящими глазами. Он посмотрел на зал, и его взгляд на секунду встретился с моим. В этой секунде было узнавание, не как «я тебя знаю», а как «мы заметили одинаковое». Я не почувствовал облегчения — но отметил факт: где-то ещё горит лампадка. Очень тусклая.

С улицы, на паперти, я позвонил Лизе.

— Как ты? — спросил.

— Нормально, — сказала она. — купишь вечером йогурт? Тот, клубничный.

— Куплю, — сказал я и добавил: — Я в музее был. Ничего не почувствовал.

Пауза.

— Ты устал, — произнесла она ровно, без тепла и без холодка. — Отдохни.

Это тоже правильно.

Дома я положил на стол синюю тетрадь и блокнот, рядом — чек из магазина: «йогурт клубничный 2 шт». Я положил чек между страниц, как закладку. Это мой способ убедить себя, что бытовое и метафизическое всё ещё соприкасаются.

Запись. Вечер.

Искусство — без резонанса. Ритуал — без отклика. Имя — работает.

Вывод дня: речь не о том, чтобы вернуть чувство. Речь о том, чтобы фиксировать «зоны ещё-связи». Имя. Взгляд. Тёплый пластик кружки, если пальцы устали. Это не спасение. Это — отметки на стене колодца, чтобы понимать, насколько опустился уровень воды.

Следующие дни я жил по этой схеме. Утром окно. Днём — работа. Вечером — «поля». Иногда — запись без комментариев, как фотоснимок.

Наблюдение 1. Автобус, маршрут 12. В салоне пахнет тёплым воздухом и чужим пальто. Девушка у окна гладит пальцем экран, но не читает; просто проводит сверху вниз. Пожилой мужчина считает сдачу дважды. Водитель поёт себе под нос без мелодии. В какой-то момент ребёнок зевает так широко, что на секунду становится совсем беззащитным — как новорожденный, который «ещё не решил», останется ли здесь. Этот зевок — живой.

Наблюдение 2. Дворник в пятом подъезде моет ступеньки, и его мокрая тряпка оставляет волнистые следы, как на картинах моря. Он останавливается, чтобы вытянуть спину, и смотрит в окно — не в телефон, не на часы, а в пустоту. В этот взгляд можно войти. Я не вхожу.

Наблюдение 3. На рынке женщина спорит с продавцом за три рубля — «вы мне не додали». Продавец пожимает плечами правильно. Женщина упрямая, голоса не повышает — говорит цепко, как человек, у которого каждая копейка на счету. Этот спор — живой. Он ничтожен по содержанию, но жив по температуре.

Иногда я ловил движение в себе — не чувство, а как будто где-то глубоко срабатывает клапан: «здесь ещё есть кислород». Я перестал ждать удара. Я стал ждать щелчка.

В субботу я снова пошёл в сквер. Не за Максом — за местом. На лавочке сидел человек без возраста, в сером тренировочном костюме, и кормил воробьёв чипсами. Я сел на край. Он кивнул — мы сосуществовали.

Макс не пришёл. Вместо него — девочка в розовой шапке на три размера больше. Она катала жёлудь подошвой, сосредоточенно, как по линейке. Я достал блокнот и написал на чистой странице крупно: «МАКСИМ». Обвёл. Пальцы смазали чернила — остался след.

Вечером я открыл ноутбук — накопившиеся рабочие письма, семейный чат, где тётя присылает картинки с котятками. Среди них — старое видео, которое кто-то нашёл: мы с Лизой в университетской библиотеке. Я молод, сутул, волос больше. Она смеётся, запрокидывая голову, и удерживает падающую книжную стопку одним пальцем, как акробат. Я всегда любил этот момент. Я нажал «воспроизвести» и смотрел. На экране — свет, пыль в луче, рука, смех. Внутри — ровно. Я позволил себе досмотреть до конца и не ждать удара. Это тоже отметка на стене.

Перед сном я обошёл квартиру. Маленький «аудит живого»: кактус у окна — жив; листья толстые, светятся зеленью. Хлеб — тёплый, Лиза купила в пекарне, где у них всегда не доемчивают соль; корка хрустит правильно. Ваза с водой — вода пахнет хлоркой; цветы в вазе — пластиковые. Я вынул их и поставил обратно пустую стеклянную форму. Пустая ваза честнее.

Ночью мне не снились двери. Снились ступени — бесконечные, бетонные, мокрые, как в метро после дождя. На каждой — белой краской цифры. Я проснулся на «12». Может, потому что маршрут автобуса.

Утром я написал коротко:

Дневник.

Я — не героический последний. Я — свидетель, который учится называть вещи простыми именами. Дождь без запаха — дождь. Смеющийся файл — смех. Имя — имя. Каждая отметка — как риски на дверном косяке, где родители мерили наш рост. Мы действительно растём — только в сторону тишины.

И пока я могу рисовать риски, я — здесь.

В этот же день на балконе я услышал тонкий писк. Сначала подумал, что показалось — холодильник иногда издаёт похожий, но толще. Писк повторился — живой, с маленькой трещинкой в конце, как у рваной струны. Я приоткрыл балконную дверь — и увидел: за ящиком с землёй, в щели, шевелится серый комочек. Котёнок. Глаза ещё чуть мутные. Он застрял, царапал бетон крошечными когтями и пищал. Это была первая вещь за долгое время, которая не помещалась в протокол.

Я снял решётку — плоскогубцы нашлись сразу, хотя обычно всё теряю. Отогнул железо, подцепил тёплое тело — оно оказалось легче пачки гречки, сердце билось так быстро, что звало моё. Я поставил крышку от банки, налил туда молока. Он пил жадно, громко, потом заснул на старой тряпке клубком, уткнувшись носом в свой собственный хвост.

Рядом, в щели бетона, тонкий, почти прозрачный росток тянулся к свету. Я капнул на него водой из пальцев. Капля повисла, как стеклянная пуговица, и дрогнула от моего дыхания.

Я сел на пол, прислонился к стене и долго ничего не писал. Потом встал, пошёл к столу, открыл тетрадь.

Запись.

Свидетель может ещё делать вещь. Маленькую. Без пафоса. Подать молоко туда, где есть рот. Подать воду туда, где есть жажда. Это не чувство. Это — действие. Оно не возвращает мне меня. Оно возвращает миру — на миллиметр — его функцию заботы. Этого достаточно на сегодня.

Я закрыл тетрадь. На балконе тихо шуршал сон. Я стоял в дверях и слушал — не дождь, не город, а этот маленький, тёплый шум. Он был другой. Он был не «правильный». Он был живой. И мне впервые за долгое время не хотелось давать этому определение. Только слушать.

Глава 3. Эрозия памяти

Это началось тихо, как будто кто-то выключил один маленький тумблер в щите — и лампочка, которую ты не замечал, погасла.

Вечером, перед сном, я решил вызвать в памяти запах бабушкиного дома. Не абстрактный «уют», а конкретику: печное тепло с примесью сажи, сушёные грибы над плитой, медовый воск свечей, яблоки на антресоли, чуть подвяленные, как страницы. Я знал, что этот запах существует. Я мог пересчитать его составляющие, мог назвать — но когда закрыл глаза и «вдохнул» прошлое, в ответ пришла чистая тишина. Как если бы из старой песни вырезали вокал, оставив аккомпанемент метронома. Нос помнил технику, память — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.